

Александр Сергеевич Пушкин

Стихотворения 1814

**Пушкин Александр
Сергеевич
Стихотворения 1814**

А.С. Пушкин
СТИХОТВОРЕНИЯ 1814
К ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ.

Арист! и ты в толпе служителей Парнасса!
Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса; За лаврами спешишь опасною стезей, И с строгой критикой вступаешь смело в бой!

Арист, поверь ты мне, оставь перо, чернилы, Забудь ручьи, леса, унылые могилы, В холодных песенках любовью не пылай; Чтоб не слететь с горы, скорее вниз ступай! Довольно без тебя поэтов есть и будет; Их напечатают - и целый свет забудет. Быть может и теперь, от шума удалясь И с глупой музою навек соединясь, Под сенью мирною Минервиной эгиды (1) Сокрыт другой отец второй "Телемахиды". Страшися участи бессмысленных певцов, Нас убивающих громадою стихов! Потомков поздних дань поэтам справедлива; На Пинде лавры есть, но есть там и крапива. Страшися бесславия! - Что, естли Аполлон, Услышав, что и ты полез на Геликон, С презреньем покачав кудрявой головою, Твой гений наградит - спасительной лозою?

Но что? ты хмуришься и отвечать готов;

"Пожалуй, - скажешь мне, - не трать излишних слов; Когда на что решусь, уж я не отступаю, И знай, мой жребий пал, я лиру избираю. Пусть судит обо мне, как хочет, целый свет, Сердись, кричи, бранись, - а я таки поэт".

Арист, не тот поэт, кто рифмы плетсть умеет И, перьями скрыпя, бумаги не жалеет. Хорошие стихи не так легко писать, Как Витгенштейну французов побеждать. Меж тем как Дмитриев, Державин, Ломоносов. Певцы бессмертные, и честь, и слава россов, Питают здравый ум и вместе учат нас, Сколь много гибнет книг, на свет едва родясь! Творенья громкие Рифматова, Графова С тяжелым Бирусом гниют у Глазунова; Никто не вспомнит их, не станет вздор читать, И Фебова на них проклятия печать.

Положим, что, на Пинд взобравшись счастливо, Поэтом можешь ты назваться справедливо: Все с удовольствием тогда тебя прочтут. Но мнишь ли, что к тебе рекой уже текут За то, что ты поэт, несметные богатства, Что ты уже берешь на откуп государства, В железных сундуках червонцы хоронишь И, лежа на боку, покойно ешь и спишь? Не так, любезный

друг, писатели богаты; Судьбой им не даны
ни мраморны палаты, Ни чистым золотом на-
биты сундуки: Лачужка под землей, высоки
чердаки Вот пышны их дворцы, великолепны
залы. Поэтов - хвалят все, питают - лишь жур-
налы; Катится мимо их Фортуны колесо; Ро-
дился наг и наг ступает в гроб Руссо; Камознс
с нищими постелю разделяет; Костров на чер-
даке безвестно умирает, Руками чуждыми мо-
гиле предан он: Их жизнь - ряд горестей, гре-
мяща слава - сон.

Ты, кажется, теперь задумался немного.
"Да что же, - говоришь, - судя о всех так стро-
го, Перебирая всё, как новый Ювенал, Ты о
Поэзии со мною толковал; А сам, поссорив-
шись с Парнасскими сестрами, Мне пропове-
довать пришел сюда стихами? Что сделалось
с тобой? В уме ли ты, иль нет?" Арист, без
дальних слов, вот мой тебе ответ:

В деревне, помнится, с мирянами просты-
ми, Священник пожилой и с кудрями седыми,
В миру с соседями, в чести, довольстве жил И
первым мудрецом у всех издавна слыл. Одна-
жды, осушив бутылки и стаканы, Со свадьбы,
под вечер, он шел немного пьяный; Попалися

ему навстречу мужики. "Послушай, батюшка, - сказали простяки, Настави грешных нас - ты пить ведь запрещаешь Быть трезвым всякому всегда повелеваешь, И верим мы тебе; да что ж сегодня сам..." - "Послушайте,- сказал священник мужикам, Как в церкви вас учу, так вы и поступайте, Живите хорошо, а мне - не подражайте".

И мне то самое пришлось отвечать; Я не хочу себя нимало оправдать: Счастлив, кто, ко стихам не чувствуя охоты, Проводит тихой век без горя, без заботы, Своими одами журналы не тягчит, И над экспромптами недели не сидит! Не любит он гулять по высотам Парнасса, Не ищет чистых муз, ни пылкого Пегаса, Его с пером в руке Рамаков не страшит; Спокоен, весел он, Арист, он - не пиит.

Но полно рассуждать - боюсь тебе наскучить И сатирическим пером тебя замучить. Теперь, любезный друг, я дал тебе совет, Оставишь ли свирель, умолкнешь, или нет?.. Подумай обо всем и выбери любое: Быть славным - хорошо, спокойным - лучше вдвое.

КОЛЬНА.

(ПОДРАЖАНИЕ ОССИАНУ).

(Фингал послал Тоскара воздвигнуть на берегах источника Кроны памятник победы, одержанной им некогда на сем месте. Между тем как он занимался сим трудом, Карул, соседственный государь, пригласил его к пиршеству; Тоскар влюбился в дочь его Кольну; нечаянный случай открыл взаимные их чувства и осчастливил Тоскара).

Источник быстрый Каломоны, Бегущий к дальним берегам, Я зрю, твои взмущенны волны
Потоком мутным по скалам При блеске звезд
ночных сверкают Сквозь дремлющий, пустынный лес,
Шумят и корни орошают Сплетенных в темный кров
древес. Твой мшистый брег любила Кольна,
Когда по небу ты лилась: Ты зрел, когда, в любви
невольна, Здесь другу Кольна отдалась.

В чертогах Сельмы царь могущих Тоскару юному вещал: "Гряди во мрак лесов дремучих,
Где Крона катит черный вал, Шумящей прохлажден
осиной. Там ряд является могил: Там с верной,
храброю дружиной Полки врагов я расточил.
И много, много сильных пало: Их гробы
черный вран стережет. Гряди - и там, где их не стало,
Воздвигни памятник побед!"

Он рек, и в путь безвестный, дальный Пустился с бардами Тоскар, Идет во мгле ночи печальной, В вечерний хлад, в полдневный жар. Денница красная выводит Златое утро в небеса, И вот уже Тоскар подходит К местам, где в темные леса Бежит седой источник Кроны И кроется в долины сонны. Воспели барды гимн святой; Тоскар обломок гор кремнистых Усиленно мощною рукой Влечет из бездны волн сребристых, И с шумом на высокой брег В густой и дикой злак поверг; На нем повесил черны латы, Покрытый кровью предков меч, И круглый щит, и шлем пернатый, И обратил он к камню речь:

"Вещай, сын шумного потока, О храбрых поздним временам! Да в страшный час, как ночь глубока В туманах ляжет по лесам, Пришлец, дорогой утомленный, Возлеги под надежный кров, Воспомнит веки отдаленны В мечтаньи сладком легких снов! С рассветом алыя денницы, Лучами солнца пробужден, Он узрит мрачные гробницы... И грозным видом поражен, Вопросит сын иноплеменный: "Кто памятник воздвиг надменный И старец, летами согбен, Речет: "Тоскар наш незабвенный,

Герой умчавшихся времен!"

Небес сокрылся вечный житель, Заря потухла в небесах; Луна в воздушную обитель
Спешит на темных облаках; Уж ночь на холме - берег Кроны С окрестной рощею заснул:
Владыко сильный Каломоны, Иноплеменных друг, Карул Призвал Морвенского героя В жилище Кольны молодой Вкусить приятности покоя И пить из чаши круговой.

..... Близь пепелища все воссели; Веселья барды песнь воспели. И в пене кубок золотой Крутом несется чередой. Печален лишь пришелец Лоры, Главу ко груди преклонил: Задумчиво он страстны взоры На нежну Кольну устремил И тяжело грудь его вздыхает, В очах веселья блеск потух, То огонь по членам пробегает, То негою томится дух; Тоскует, втайне ощущая Волненье сильное в крови На юны прелести взирая, Он полну чашу пьет любви.

Но вот уж дуб престал дымиться, И тень мрачнее становится, Чернеет тусклый небосклон, И царствует в чертогах сон.
..... Редеет ночь - заря багряна Лучами солнца воз-

жена; Пред ней златится твердь румяна: Тоскар покинул ложе сна; Быстротекущей Каломоны Идет по влажным берегам, Спешит узреть долины Кроны И внемлет плещущим волнам. И вдруг из сени темной рощи, Как в час весенней полунощи Из облак месяц золотой, Выходит ратник молодой. Меч острый на бедре сияет, Копье десницу вооружает: Надвинуто на чело шолом, И гибкой стан покрыт щитом: Зарю латы серебруются Сквозь утренний в долине пар.

"О юный ратник! - рек Тоскар, С каким врагом тебе сражаться? Ужель и в сей стране война Багрит ручьев струисты волны? Но всё спокойно - тишина Окрест жилища нежной Кольны". "Спокойны дебри Каломоны, Цветет отчизны край золотой; Но Кольна там не обитает, И ныне по стезе глухой Пустыню с милым протекает, Пленившим сердце красотой". "Что рек ты мне, молодой воитель? Куда сокрылся похититель? Подай мне щит твой!" - И Тоскар Приемлет щит, пылая мщеньем. Но вдруг исчез геройства жар; Что зрит он с сладким восхищеньем? Не в силах в страсти воздохнуть, Пылая вдруг восторгом новым... Ли-

лейна обнажилась грудь, Под грозным дышуща покровом... - "Ты ль это?..." - возопил герой, И трепетно рукой дрожащей С главы снимает шлем блестящий И Кольну видит пред собой.

ЭВЛЕГА.

Вдали ты зришь утес уединенный; Пещеры в нем изрылась глубина: Темнеет вход, кустами окруженный, Вблизи шумит и пенится волна. Вечор, когда туманилась луна, Здесь милого Эвлега призывала; Здесь тихий глас горам передавала Во тьме ночной печальна и одна:

"Приди, Одульф, уж роца побледнела. На дикой мох Одульфа ждать я села, Пылает грудь, за вздохом вздох летит. О! сладко жить, мой друг, душа с душою. Приди, Одульф, забудь я с тобою, И поцелуй любовью возгорит.

Беги, Осгар, твои мне страшны взоры, Твой грозен вид, и хладны разговоры. Оставь меня, не мною торжествуй! Уже другой в ночи со мною дремлет, Уж на заре другой меня объемлет, И сладостен его мне поцелуй.

Что ж медлит он свершить мои надежды? Для милого я сбросила одежды! Завистливый покров у ног лежит. Но чу!... идут - так! это

друг мой нежный. Уж начались восторги страсти нежной, И поцелуй любовью возгорит".

Идет Одульф; во взорах - упоенье, В груди - любовь, и прочь бежит печаль; Но близ его во тьме сверкнула сталь, И вздрогнул он - родилось подозренье: "Кто ты? - спросил, - почто ты здесь? Вещай, Ответствуй мне, о сын угрюмой ночи!"

"Бессильный враг! Осгара убегай! В пустынной тьме что ищут робки очи? Страшишь меня, я страстью воспален: В пещере здесь Эйлега ждет Осгара!" Булатный меч в минуту обнажен, Огонь летит струями от удара...

Услышала Эвлега стук мечей И бросила со страхом хлад пещерный. "Приди узреть предмет любви твоей! Вскричал Одульф подруге нежной, верной. Изменница! ты здесь его зовешь? Во тьме ночной вас услаждает нега, Но дерзкого в Валгалле ты найдешь!"

Он поднял меч... и с трепетом Эвлега Падет на дерн, как клоч летучий снега, Мятелицей отторженный со скал! Друг на друга соперники стремятся, Кровавый ток по камням побежал: В кустарники с отчаяньем катятся. По-

следний глас Эвлегу призывал, И смерти хлад их ярость оковал.

ОСГАР.

По камням гробовым, в туманах полуночи, Ступая трепетно усталою ногой, По Лоре путник шел, напрасно томны очи Ночлега мирного искали в тьме густой. Пещеры нет пред ним, на берегу угрюмом Не видит хижины, наследья рыбаля; В дали дремучий бор качают ветры с шумом, Луна за тучами, и в море спит заря.

Идет, и на скале, обросшей влажным мохом, Зрит барда старого - веселье прошлых лет: Склонясь седым челом над воющим потоком, В безмолвии времен он созерцал полет. Зубчатый меч висел на ветви мрачной ивы. Задумчивый певец взор тихий обратил На сына чуждых стран, и путник боязливый Содрога в ужасе и мимо поспешил.

"Стой, путник! стой! - вещал певец веков минувших: Здесь пали храбрые, почти их бранный прах! Почти геройства чад, могилы сном уснувших!" Пришлец главой поник - и, мнилось, на холмах Восставший ряд теней главы окровавленны С улыбкой гордою на

странника склонял. "Чей гроб я вижу там?" - вещал иноплеменный И барду посохом на берег указал.

Колчан и шлем стальной, к утесу пригвожденный, Бросали тусклый луч, луною озлаотясь. "Увы! здесь пал Осгар! - рек старец вдохновенный, О! рано юноше настал последний час! Но он искал его: я зрел, как в ратном строе Он первыя стрелы с весельем ожидал И рвался из рядов, и пал в кипящем бое: Покойся, юноша! ты в брани славной пал.

Во цвете нежных лет любил Осгар Мальвину, Не раз он в радости с подругою встречал Вечерний свет луны, скользящий на долину, И тень, упавшую с приморских грозных скал. Казалось, их сердца друг к другу пламенели; Одной, одной Осгар Мальвиною дышал; Но быстро дни любви и счастья пролетели, И вечер горести для юноши настал.

Однажды, в темну ночь зимы порой унылой, Осгар стучится в дверь красавицы молодой И шепчет: "Юный друг! не медли, здесь твой милый!" Но тихо в хижине. Вновь робкою рукой Стучит и слушает: лишь ветры с свистом веют. "Ужели спишь теперь, Мальви-

на? - мгла вокруг, Валится снег, власы в тумане леденеют. Услышь, услышь меня, Мальвина, милый друг!"

Он в третий раз стучит, со скрипом дверь шатнулась. Он входит с трепетом. Несчастный! что ж узрел? Темнеет взор его, Мальвина содрогнулась, Он зрит - в объятиях изменницы Звигнел! И ярость дикая во взорах закипела: Немеет и дрожит любовник молодой. Он грозный меч извлек, и нет уже Звигнела, И бледный дух его сокрылся в тьме ночной!

Мальвина обняла несчастного колена, Но взоры отвратив: "Живи! - вещал Осгар, Живи, уж я не твой, презренна мной измена, Забуду, потушу к неверной страсти жар". И тихо за порог выходит он в молчанье, Окован мрачною, безмолвною тоской Исчезло сладкое навек очарованье! Он в мире одинок, уж нет души родной.

Я видел юношу: поникнув головою, Мальвины имя он в отчаяньи шептал; Как сумрак, дремлющий над бездною морскою, На сердце горестном унынья мрак лежал. На друга детских лет взглянул он торопливо; Уже недвижимый взор друзей не узнавал; От пиршеств

удален, в пустыне молчаливой Он одиночеством печаль свою питал.

И длинный год провел Остар среди мучений. Вдруг грянул трубный глас! Оденев сын, Фингал, Вел грозных на мечи, в кровавый пыл сражений. Остар слышал весть и бранью воспылал. Здесь меч его сверкнул, и смерть пред ним бежала; Покрытый ранами, здесь пал на груди тел. Он пал - еще рука меча кругом искала, И крепкий сон веков на сильного слетел.

Побегли вспять враги - и тихий мир герою! И тихо все вокруг могильного холма! Лишь в осень хладную, безмесячной порою, Когда вершины гор тягчит сырая тьма, В багровом облаке, одеянна туманом, Над камнем гробовым уныла тень сидит, И стрелы дребезжат, стучит броня с колчаном, И клен, зашевелясь, таинственно шумит".

РАССУДОК И ЛЮБОВЬ.

Младой Дафнис, гоняясь за Доридой, "Постой, - кричал, - прелестная! постой, Скажи: "Люблю" - и бегать за тобой Не стану я - клянуся в том Кипридой!" "Молчи, молчи!" - Рассудок говорил, А плут Эрот: "Скажи: "ты сердцу

мил!"

"Ты сердцу мил!" - пастушка повторила, И их сердца огнем любви зажглись, И пал к ногам красавицы Дафнис, И страстный взор Дориды потупила. "Беги, беги!" - Рассудок ей твердил, А плут Эрот: "Останься!" - говорил.

Осталася - и трепетной рукою Взял руку ей счастливый пастушок. "Взгляни, - сказал, - с подругой голубок Там обнялись под тенью лип густою!" "Беги! беги!" - Рассудок повторил, "Учись от них!" - Эрот ей говорил.

И нежная улыбка пробежала Красавицы на пламенных устах И вот она с томлением в глазах К любезному в объятия упала... "Будь счастлива!" - Эрот ей прошептал. Рассудок что ж? Рассудок уж молчал.

К СЕСТРЕ.

Ты хочешь, друг бесценный, Чтоб я, поэт молодой, Беседовал с тобой И с лирою забвенной, Мечтами окриленный, Оставил монастырь И край уединенный, Где непрерывный мир Во мраке опустился И в пустыни глухой Безмолвно воцарился С угрюмой тишиной. (2) И быстрою стрелой На невестской брег примчуся С подругой обнимуся Вес-

ны моей златой, И, как певец Людмилы, Мечты невольник милый, Взошел под отчий кров, Несу тебе не золото (Чернец я небогатый), В подарок пук стихов.

Тайком взошел в диванну, Хоть помощью пера, О, как тебя застану, Любезная сестра? Чем сердце занимаешь Вечернею порой? Жан-Жака ли читаешь, Жанлиса ль пред тобой? Иль с резвым Гамильтоном Смеешься всей душой? Иль с Греем и Томсоном Ты пренеслась мечтой В поля, где от дубравы В долвеет ветерок, И шепчет лес кудрявый, И мчится величавый С вершины гор поток? Иль моську престарелу, В подушках поседелу, Окутав в длинну шаль И с нежностью лелея, Ты к ней зовешь Морфея? Иль смотришь в темну даль Задумчивой Светланой Над шумною Невой? Иль звучным фортепяно Под беглою рукой Моцарта оживляешь? Иль тоны повторяешь? Пиччини и Рамо?

Но вот уж я с тобою, И в радости немой Твой друг расцвел душою, Как ясный вешний день. Забыты дни разлуки, Дни горести и скуки, Исчезла грусти тень.

Но это лишь мечтанье! Увы, в монастыре,

При бледном свеч сиянье, Один пишу к сестре. Все тихо в мрачной кельи: Защелка на дверях, Молчанье, враг веселий, И скука на часах! Стул ветхой, необитый, И шаткая постель, Сосуд, водой налитый, Соломенна свирель Вот все, что пред собою Я вижу, пробужден. Фантазия, тобою Одной я награжден, Тобою пренесенный К волшебной Иппокрене, И в келье я блажен.

Что было бы со мною, Богиня, без тебя? Знакомый с суетою, Приятной для меня, Увлечен в даль судьбою, Я вдруг в глухих стенах, Как Леты на берегах, Явился заключенным, На веки погребенным, И скрипнули врата, Сомкнувшись за мною, И мира красота Оделась черной мглою!.. С тех пор гляжу на свет, Как узник из темницы На яркий блеск денницы. Светило ль дня взойдет, Луч кинув позлащенный Сквозь узкое окно, Но сердце помрачено Не радуется оно. Иль позднею порою, Как луч на небесах, Покрытых чернотою, Темнеет в облаках, С унынием встречаю Я сумрачную тень И с вздохом провожаю Скрывающийся день!.. Сквозь слез смотрю в решетки, Перебирая четки.

Но время протечет, И с каменных ворот
Падут, падут затворы, И в пышный Петроград
Через долины, горы Ретивые примчат; Спеша
на новоселье, Оставляю темну келью, Поля, са-
ды свои; Под стол клубук с веригой И прилечу
расстригой В объятия твои.

КРАСАВИЦЕ, КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАК.

Возможно ль? вместо роз, Амуром насаж-
денных,

[Тюльпанов гордо наклоненных,] Души-
стых ландышей, ясминов и лилей,

[Которых ты всегда] любила

[И прежде всякой день] носила

На мраморной груди твоей

Возможно ль, милая Климена, Какая
странная во вкусе перемена!..... Ты любишь
обонять не утренний цветок,

А вредную траву зелену,

Искусством превращенну

В пушистый порошок! Пускай уже седой
профессор Геттингена, На старой кафедре со-
гнувшись дугой, Вперив в латинщину глубо-
кой разум свой,

Раскашлявшись, табак толченый Пихает в
длинный нос иссохшею рукой;

Пускай молодой драгун усатый

[Поутру, сидя у] окна,

С остатком утреннего сна, Из трубки пенковой дым гонит сероватый; Пускай красавица шестидесяти лет, У Граций в отпуску, и у любви в отставке, Которой держится вся прелесть на подставке, Которой без морщин на теле места нет,

Злословит, молится, зевает И с верным табакочем печали забывает, А ты, прелестная!.. но если уж табак Так нравится тебе - о пыл воображенья!

Ах! если, превращенный в прах,

И в табакерке, в заточеньи, Я в персты нежные твои попасться мог,

Тогда б в сердечном восхищеньи Рассыпался на грудь под шелковый платок И даже... может быть... Но что! мечта пустая.

Не будет этого никак.

Судьба завистливая, злая!

Ах, отчего я не табак!...

ЭПИГРАММА.

Арист нам обещал трагедию такую, Что все от жалости в театре заревут, Что слезы зрителей рекою потекут.

Мы ждали драму золотую. И что же? дождались - и, нечего сказать, Достоинству ее нельзя убавить весу, Ну, право, удалось Аристу написать

Прежалкую пиесу.

КОЗАК.

Раз, полунощной порою,
Сквозь туман и мрак, Ехал тихо над рекою
Удалой козак.

Черна шапка на бекрене,
Весь жупан в пыли. Пистолеты при колене,
Сабля до земли.

Верный конь, узды не чужая,
Шагом выступал; Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вот пред ним две, три избушки,
Выломан забор; Здесь - дорога к деревушке,
Там - в дремучий бор.

"Не найду в лесу девицы,
Думал хват Денис: Уж красавицы в светлицы

На ночь убрались".
Шевельнул Донец уздою,

Шпорой прикольнул, И помчался конь
стрелою,

К избам завернул.

В облаках луна сребрила

Дальни небеса; Под окном сидит уныла

Девушка-краса.

Храбрый видит красну деву;

Сердце бьется в нем, Конь тихонько к леву,

к леву

Вот уж под окном.

"Ночь становится темнее,

Скрылася луна. Выдь, коханочка, скорее,

Напои коня".

"Нет! к мужчине молодому

Страшно подойти, Страшно выдти мне из

дому,

Коню дать воды".

"Ах! небось, девушка красна,

С милым подружись!" "Ночь красавицам

опасна".

"Радость! не страшись!

Верь, коханочка, пустое;

Ложный страх отбрось! Тратишь время зо-

лотое;

Милая, небось!

Сядь на борзого, с тобою
В дальний еду край; Будешь счастлива со
мною:

С другом всюду рай".
Что же девица? Склонилась,
Победила страх, Робко ехать согласилась.
Счастлив стал козак.
Поскакали, полетели.
Дружку друг любил; Был ей верен две неде-
ли,

В третью изменил.

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Пускай, не знаясь с Аполлоном, Поэт, при-
дворный философ, Вельможе знатному с по-
клоном Подносит оду в двести строф; Но я,
любезный Горчаков, Не просыпаюсь с петуха-
ми, И напыщенными стихами, Набором гро-
мозвучных слов, Я петь пустого не умею Вы-
соко, тонко и хитро, И в лиру превращать не
смею Мое - гусиное перо! Нет, нет, любезный
князь, не оду Тебе намерен посвятить; Что
прибыли соваться в воду, Сначала не спросив-
шись броду, И в след Державину парить? Пи-
шу своим я складом ныне Кой-как стихи на
именины.

Что должен я, скажи, в сей час Желать от чиста сердца другу? Глубоку ль старость, милый князь, Детей, любезную супругу, Или богатства, громких дней, Крестов, алмазных звезд, честей? Не пожелать ли, чтобы славой Ты увлечен был в путь кровавый, Чтоб в лаврах и венцах сиял, Чтоб в битвах гром из рук метал, И чтоб победа за тобою, Как древле Невскому герою, Всегда, везде летела вслед? Не сладострастия поэт Такою песенкой поздравит, Он лучше муз навек оставит! Дай бог любви, чтоб ты свой век Питомцем нежным Эпикура Провел меж Вакха и Амура! А там - когда Стигийской брег Мелькнет в туманном отдалении, Дай бог, чтоб в страстном упоении, Ты с томной сладостью в очах, Из рук младого Купидона Вступая в мрачный чолн Харона, Уснул..... Ершовой на грудях!

ОПЫТНОСТЬ.

Кто с минуту переможет Хладным разумом любовь, Бремя тягостных оков Ей на крылья не возложит. Пусть не смейся, не резвись, С строгой мудростью дружись; Но с рассудком вновь заспиришь, Хоть не рад, но дверь отворишь, Как проказливый Эрот Постучится у во-

рот.

Испытал я сам собою Истину сих правых слов. "Добрый путь! прости, любовь! За боги-нею слепою, Не за Хлоей, полечу, Счастье, счастье ухвачу!" Мнил я в гордости безумной. Вдруг услышал хохот шумный, Оглянулся... и Эрот Постучался у ворот.

Нет! мне, видно, не придется С богом сим в размолвке жить, И покамест жизни нить Старой Паркой там прядется, Пусть владеет мною он! Веселиться - мой закон. Смерть откроет гроб ужасный, Потемнеют взоры ясны, И не стукнется Эрот У могильных уж ворот!

БЛАЖЕНСТВО.

В роще сумрачной, тенистой, Где, журча в траве душистой, Светлый бродит ручеек, Ночью на простой свирели Пел влюбленный пастушок; Томный гул унылы трели Повторял в глуши долин....

Вдруг из глубины пещеры Читатель Вакха и Венеры, Резвых Фавнов господин, Выбежал Эрмиев сын. Розами рога обвиты, Плющ на черных волосах, Козий мех, вином налитый, У Сатира на плечах. Бог лесов, в дугу склонившись Над искривленной клюкой, За кустами

притаившись, Слушал песенки ночной, В лад качая головой.

"Дни, протекшие в весельи! (Пел в тоске пастух младой) Отчего, явясь мечтой, Вы, как тень, от глаз исчезли И покрылись вечной тьмой?

Ах! когда во мраке ночи, При таинственной луне, В темну сень прохладной рощи, Сладко спящей в тишине, Медленно, рука с рукою, С нежной Хлоей приходил, Кто сравниться мог со мною? Хлое был тогда я мил!

А теперь мне жизнь - могила, Белый свет душе постыл. Грустен лес, поток уныл..." Хлоя - другу изменила!... Я для милой.... уж не мил!..."

Звук исчез свирели тихой; Смолк певец - и тишина Воцарилась в роще дикой; Слышно, плещет лишь волна, И колышет повиликой Тихо-веющий зефир... Древ оставя сень густую Вдруг является Сатир. Чашу дружбы круговую Пенистым сребря вином, Рек с ослабленным лицом: "Ты уныл, ты сердцем мрачен; Посмотри ж, как сок прозрачен Блещет, осветясь луной! Выпей чашу - и душой Будешь так же чист и ясен. Верь мне: - стон в бедах напрасен.

Лучше, лучше веселись, В горе с Бахусом дру-
жись!" И пастух, взяв чашу в руки, Скоро вы-
пил всё до дна. О могущество вина! Вдруг со-
крылись скорби, муки, Мрак душевный вмиг
исчез! Лишь фиал к устам поднес, Всё мгно-
венно пременилось, Вся природа оживилась,
Счастлив юноша в мечтах! Выпив чашу золо-
тую, Наливает он другую; Пьет уж третью...
но в глазах Вид окрестный потемнился И
несчастный... утомился. Томну голову склоня,
"Научи, Сатир, меня, Говорит пастух со вздо-
хом, Как могу бороться с роком? Как могу
счастливым быть? Я не в силах вечно пить". -
"Слушай, юноша любезный, Вот тебе совет по-
лезный: Миг блаженства век лови; Помни
дружбы наставленья: Без вина здесь нет весе-
лья, Нет и счастья без любви; Так поди ж те-
перь с похмелья С Купидоном помирись; По-
забудь его обиды И в объятиях Дориды Снова
счастьем насладись!"

ЛАЙСА ВЕНЕРЕ, ПОСВЯЩАЯ ЕЙ СВОЕ ЗЕР-
КАЛО.

Вот зеркало мое - прими его, Киприда! Бо-
гиня красоты прекрасна будет ввек, Седого
времени не страшна ей обида:

Она - не смертный человек;
Но я, покорствуя судьбине, Не в силах
зреть себя в прозрачности стекла
Ни той, которой я была,
Ни той, которой ныне.
К НАТАШЕ.

Вянет, вянет лето красно; Улетают ясны
дни; Стелется туман ненастный Ночи в дрем-
лющей тени; Опустели злачны нивы, Хладен
ручеек игривый; Лес кудрявый поседел; Свод
небесный побледнел.

Свет-Наташа! где ты ныне? Что никто тебя
не зрит? Иль не хочешь час единый С другом
сердца разделить? Ни над озером волнистым,
Ни под кровом лип душистым Ранней - позд-
нею порой Не встречаюсь я с тобой.

Скоро, скоро холод зимный Рощу, поле по-
сетит; Огонек в лачужке дымной Скоро ярко
заблестит; Не увижу я прелестной И, как чи-
жик в клетке тесной, Дома буду горевать И
Наташу вспоминать.

ПИРУЮЩИЕ СТУДЕНТЫ.
Друзья! досужный час настал;
Все тихо, всё в покое; Скорее скатерть и бо-
кал!

Сюда вино золотое! Шипи, шампанское, в
стекле.

Друзья! почто же с Кантон Сенека, Тацит
на столе,

Фольянт над фолиантом? Под стол холод-
ных мудрецов,

Мы полем овладеем; Под стол ученых дура-
ков!

Без них мы пить умеем.

Ужели трезвого найдем

За скатертью студента? На всякой случай
изберем

Скорее президента. В награду пьяным - он
нальет

И пунш, и грог душистый, А вам, спартан-
цы, поднесет

Воды в стакане чистой! Апостол неги и
прохлад,

Мой добрый Галич, vale! Ты Эпикуров
младший брат,

Душа твоя в бокале. Главу венками убери,

Будь нашим президентом, И станут самые
цари

Завидовать студентам.

Дай руку, Дельвиг! что ты спишь?

Проснись, ленивец сонный Ты не под ка-
федрой сидишь,

Латынью усыпленный. Взгляни: здесь круг
твоих друзей;

Бутыль вином налита, За здравье нашей
Музы пей,

Парнасской волокита. Остряк любезный!
по рукам!

Полней бокал досуга! И вылей сотню эпи-
грамм

На недруга и друга.

А ты, красавец молодой,

Сиятельный повеса! Ты будешь Вакха
жрец лихой,

На прочее - завеса! Хотя студент, хотя я
пьян.

Но скромность почитаю; Придвинь же пе-
нистый стакан,

На брань благословляю.

Товарищ милый, друг прямой,

Тряхнем рукою руку, Оставим в чаше кру-
говой

Педантам сродну скуку: Не в первый раз
мы вместе пьем,

Нередко и бранимся, Но чашу дружества

нальем

И тотчас помиримся.

А ты, который с детских лет

Одним весельем дышешь, Забавный, право, ты поэт.

Хоть плохо басни пишешь; С тобой тасуюсь без чинов,

Люблю тебя душою, Наполни кружку до краев,

Рассудок! бог с тобою!

А ты, повеса из повес,

На шалости рожденный, Удачный хват, голворез,

Приятель задушевный, Бутылки, рюмки разобьем

За здравие Платова, В козачью шапку пунш нальем

И пить давайте снова!..

Приблизься, милый наш певец,

Любимый Аполлоном! Воспой властителя сердец

Гитары тихим звоном. Как сладостно в стесненну грудь

Томленье звуков льется!.. Но мне ли страстью вздохнуть?

Нет! пьяный лишь смеется!
Не лучше ль, Роде записной,
В честь Вакховой станицы Теперь скры-
петь тебе струной

Расстроенной скрипицы? Запойте хором,
господа,

Нет нужды, что нескладно; Охрипли? - это
не беда:

Для пьяных всё ведь ладно!

Но что?... я вижу всё вдвоем:

Двоится штоф с араком; Вся комната по-
шла кругом;

Покрылись очи мраком... Где вы, товари-
щи? где я?

Скажите, Вакха ради... Вы дремлете, мои
друзья,

Склонившись на тетради... Писатель за
свои грехи!

Ты с виду всех трезвее; Вильгельм, прочти
свои стихи,

Чтоб мне заснуть скорее.

БОВА.

(ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ).

Часто, часто я беседовал С болтуном стра-
ны Эллинския И не смел осиплым голосом С

Шапеленом и с Рифматовым Воспевать героев севера. Несравненного Виргилия Я читал и перечитывал, Не стараясь подражать ему В нежных чувствах и гармонии. Разбирал я немца Клопштока И не мог понять премудрого! Не хотел я воспевать, как он; Я хочу, чтоб меня поняли Все от мала до великого. За Мильтоном и Камознсом Опасался я без крил парить; Не дерзал в стихах бессмысленных Херувимов жарить пушками, С сатаною обитать в раю, Иль святую богородицу Вместе славить с Афродитою. Не бывал я греховодником! Но вчера, в архивах рояся, Отыскал я книжку славную, Золотую, незабвенную, Катехизис остроумия, Словом: Жанну Орлеанскую Прочитал, - и в восхищении Про Бову пою царевича.

О Вольтер! о муж единственный! Ты, которого во Франции Почитали богом неким, В Риме дьяволом, антихристом Обезьяною в Саксонии! Ты, который на Радищева Кинул было взор с улыбкою, Будь теперь моею Музою! Петь я тоже вознамерился, Но сравняюсь ли с Радищевым?

Не запомню, сколько лет спустя После

рождества Спасителя, Царь Дадон со славой царствовал В Светомире, сильном городе. Царь Дадон венец со скипетром Не прямой достал дорогою, Но убив царя законного, Бендокира Слабоумного. (Так бывало верноподданны Величали королей своих, Если короли беспечные, Не в постеле и не ночью Почивали с камергерами). Царь Дадон не Слабоумного Был достоин злого прозвища, Но тирана неусыпного, Хотя, впрочем, не имел его. Лень мне все его достоинства И пороки вам показывать: Вы слыхали, люди добрые, О царе, что двадцать целых лет Не снимал с себя оружия, Не слезал с коня ретивого, Всюду пролетал с победою, Мир крещеный потопил в крови, Не щадил и некрещеного, И в ничтожество низверженный Александром, грозным ангелом, Жизнь проводит в унижении И, забытый всеми, кличется Ныне Эльбы императором: Вот таков-то был и царь Дадон.

Раз, собрав бородачей совет (Безбородых не любил Дадон), На престоле пригорюнившись, Произнес он им такую речь: "Вы, которые советами Облегчили тяжесть скипетра Усладили участь царскую (Не горька она бы-

ла ему), Мудрые друзья, сподвижники! К вам прибегнуть я решаюся: Что мне делать ныне? - Слушайте".

Все привстали, важно хмурясь, Низко, низко поклонилися И, подправя ус и бороду, Сели на скамьи дубовые.

"Вам известно,- продолжал Дадон, Что искусством и неправдою Я достиг престола шаткого Бендокира Слабоумного, Сочетался с Милитрисою, Милой женкой Бендокировой, И в темницу посадил Бову, Принца крови, сына царского. Легче, легче захватить было Слабоумного златой венец, Чем, надев венец на голову, За собою удержать его. Вот уже народ бессмысленный, Ходя в праздники по улицам, Меж собой не раз говаривал: Дай бог помочь королевичу. Ведь Бова уже не маленькой, Не в отца своей головушкой, Нужды нет, что за решеткою, Он опасен моим замыслам. Что мне делать с ним? скажите мне, Не оставить ли в тюрьме его?"

Всё собранье призадумалось, Все в молчаньи потупили взор. То-то, право, золотой совет! Не болтали здесь, а думали: Арзамор, муж старый, опытный, Рот открыл было (со-

ветовать Знать хотелось поседелому), Громко
крякнул, но одумался И в молчаньи закусил
язык. Ко лбу перст приставя тцательно, Ле-
карь славный, Эскулапа внук, Эзельдорф,
обритый шваб, зевал, Табакеркою поскрыпы-
вал, Но молчал, - своей премудрости Он пред
всеми не показывал. Вихромах, Полкан с Ду-
бынею, Стража трона, славны рыцари, Все си-
дели, будто вкопаны. Громобурь, известный
силою, Но умом непроницательный, Думал,
думал и нечаянно Задремал... и захрапел в
углу. Что примера лучше действует? Что
людьми сильней ворочает? Вот зевнули под
перчаткою Храбрый Мирозор с Ивашкою, И
Полкан, и Арзамор седой... И ко груди прекло-
нились Тихо головами буйными... Глядь, с
Дадонем задремал совет... Захрапели мно-
го-мыслящи!

Долго спать было советникам, Если б нем-
цу не пришлось из рук Табакерку на пол вы-
ронить. Табакерка покатила И о шпору
вдруг ударила Громобуря, крепко спавшего,
Загремела, раздвоилася, Отлетела в разные
стороны... Храбрый воин пробуждается, Ози-
рает всё собрание... Между тем табак рассы-

пался, К носу рыцаря подьёмлется, И чихнул герой с досадою, Так что своды потрясаются, Окны все дрожат и сыплются, И на петлях двери хлопают... Пробуждается собрание!

"Что тут думать, - закричал герой: Царь! Бова тебе не надобен, Ну, и к чорту королевича! Решено: ему в живых не быть. После, братцы, вы рассудите, Как с ним надобно разделаться". Тем и кончил: храбры воины Речи любят лаконически. "Ладно! мы тебя послушаем, Царь промолвил, потянувшись, Завтра, други, мы увидимся. А теперь ступайте все домой".

Оплошал Дадон отсрочкою. Не твердил он верно в азбуке: Не откладывай до завтраго, Что сегодня можешь выполнить. Разошлись все придворные. Ночь меж тем уже сгущалась, Царь Дадон в постелю царскую Вместе с милой лег супругою, С несравненной Милитрисою, Но спиной оборотился к ней: В эту ночь его величеству Не играть, а спать хотелось.

Милитрисина служаночка, Зоя, молодая девица, Ангел станом, взором, личиком, Белой ручкой, нежной ножкою, С госпожи сняв

платье шелково, Юбку, чепчик, ленты, кружева, Всё под ключ в комодѣ спрятала И пошла тихонько в девичью. Там она сама разделася, Подняла с трудом окошечко И легла в постель пуховую, Ожидая друга милого, Светозара, пажа царского: К темной ночке обещался он Из окна прыгнуть к ней в комнату. Ждет, пождет девица красная: Нет, как нет всё друга милого. Чу! бьет полночь - что же Зоинька? Видит - входят к ней в окошечко... Кто же? друг ли сердца нежного? Нет! совсем не то, читатели! Видит тень иль призрак старого Венценосца, с длинной шапкою, В балахоне вместо мантии, Опоясанный мочалкою, Вид невинный, взор навывкате Рот разинут, зубы скалятся, Уши длинные, ослиные Над плечами громко хлопают; Зоя видит и со трепетом Узнает она, читатели, Бендокира Слабоумного.

Трепетна, смятенья полная. Стала на колени Зоинька, Съединила ручку с ручкою, Потупила очи ясные Прочитала скорым шопотом То, что ввек не мог я выучить: Отче наш и Богородице, И тихохонько промолвила: "Что я вижу? Боже! Господи... О Никола! Савва мученик! Осените беззащитную. Ты ли это, царь

наш батюшка? Отчего, скажи, оставил ты Ныне царствие небесное?"

Глупым смехом осветившись, Тень рекла прекрасной Зоиньке: "Зоя, Зоя, не страшись, мой свет, Не пугать тебя мне хочется, Не на то сюда явился я С того света привидением. Весело пугать живых людей, Но могу ли веселиться я, Естли сына Бендокирова, Милого Бову царевича, На костре изжарят завтра же?"

Бедный царь заплакал жалобно. Больно стало доброй девушке. "Чем могу, скажи, помочь тебе. Я во всем тебе покорствую". - "Вот что хочется мне, Зоинька! Из темницы сына выручи, И сама в жилище мрачное Сядь на место королевича, Пострадай ты за невинного. Поклонюсь тебе низехонько И скажу: спасибо, Зоинька!"

Зоинька тут призадумалась: За спасибо в темну яму сесть! Это жестко ей казалось. Но, имея чувства нежные, Зоя втайне согласилась На такое предложение.

Так, ты прав, оракул Франции, Говоря, что жены, слабые Против стрел Эрота юного, Все имеют душу добрую, Сердце нежно непритворное. "Но скажи, о царь возлюбленный!"

Зоя молвила покойнику: Как могу (ну, посуди ты сам) Пронестись в темницу мрачную, Где горюет твой любезный сын? Пятьдесят отборных воинов Днем и ночью стерегут его. Мне ли, слабой робкой женщине, Обмануть их очи зоркие?" "Будь покойна, случай найдется, По-клянись лишь только милая, Не отвергнуть сего случая, Если сам тебе представится". "Я клянусь!" - сказала девица. Вмиг исчезло видение, Из окошка быстро вылетев Возды-хая тихо Зоинька Опустила тут окошечко И в постеле успокоившись Скоро, скоро сном забылася.

К БАТЮШКОВУ.

Философ резвый и пиит, Парнасский счастливый ленивец, Харит изнеженный любимец, Наперсник милых Аонид, Почто на арфе златострунной Умолкнул, радости певец? Ужель и ты, мечтатель юный, Расстался с Фебом наконец?

Уже с венком из роз душистых. Меж кудрей вьющихся, златых, Под тенью тополов ветвистых, В кругу красавиц молодых, Здравным не стучишь фиалом, Любовь и Вакха не поешь, Довольный счастливым нача-

лом. Цветов Парнасских вновь не рвешь; Не слышен наш Парни Российской!.. Пой, юноша - Певец Тиисской В тебя влиял свой нежный дух. С тобою твой прелестный друг, Лилета, красных дней отрада: Певцу любви любовь награда. Настрой же лиру. По струнам Летай игривыми перстами, Как вешний Зефир по цветам, И сладострастными стихами, И тихим шепотом любви Лилету в свой шалаш зови. И звезд ночных при бледном свете, Плывущих в дальней вышине, В уединенном кабинете, Волшебной внемя тишине, Слезами счастья грудь прекрасной, Счастливец милый, орошай; Но, упоен любовью страстной, И нежных муз не забывай; Любви нет более счастья в мире: Люби - и пой ее на лире.

Когда ж к тебе в досужный час Дружья, знакомые сберутся, И вины пенные польются, От плена с треском свободясь: Описывай в стихах игривых Веселье, шум гостей болтливых Вокруг накрытого стола, Стакан, кипящий пеной белой, И стук блестящего стекла. И гости дружно стих веселый, Бокал в бокал удара в лад, Нестройным хором повторят.

Поэт! В твоей предметы воле, Во звучны

струны смело грянь, С Жуковским пой крова-
ву брань И грозну смерть на ратном поле. И
ты в строях ее встречал, И ты, постигнутый
судьбою, Как Росс, питомцем славы пал! Ты
пал, и хладною косою Едва скошенный не
увял!.. *

Иль, вдохновенный Ювеналом. Вооружись
сатиры жалом, Подчас прими ее свисток, Ра-
зи, осмеивай порок, Шутя, показывай смеш-
ное И, естли можно, нас исправь. Но Тредья-
ковского оставь В столь часто рушимом по-
кое. Увы! довольно без него Найдем бессмыс-
ленных поэтов, Довольно в мире есть предме-
тов, Пера достойных твоего!

Но что!... цевницею моею, Безвестный в
мире сем поэт, Я песни продолжать не смею.
Прости - но помни мой совет: Доколе музами
любимый, Ты Пиэрид горишь огнем, Доколь,
сражен стрелой незримой, В подземный ты
не снидешь дом, Мирские забывай печали,
Играй: тебя младой Назон, Эрот и Грации вен-
чали. А лиру строил Аполлон.

* Кому неизвестны Воспоминания на 1807
год?

ЭПИГРАММА.

(ПОДРАЖАНИЕ ФРАНЦУЗСКОМУ)

Супругою твоей я так пленился, Что есть-ли б три в удел достались мне, Подобные во всем твоей жене, То даром двух я б отдал сатане Чтоб третью лишь принять он согласился.

К Н. Г. ЛОМОНОСОВУ.

И ты, любезный друг, оставил Надежду пристань тишины, Челнок свой весело направил По влаге бурной глубины: Судьба на руль уже склонилась, Спокойно светят небеса, Ладья крылатая пустилась Расправит счастье паруса. Дай бог, чтоб грозной непогоды Вблизи ты ужас не видал, Чтоб бурный вихорь не вздувал Пред челноком шумящи воды! Дай бог, под вечер к берегам Тебе пристать благополучно И отдохнуть спокойно там С любовью, дружбой неразлучно! Нет! ты не можешь их забыть! Но что! Не скоро, может быть, Увижусь я, мой друг, с тобою Укромной хаты в тишине; За чашей пунша круговою Подчас вспомнишь обо мне: Когда ж пойду на новоселье (Заснуть ведь общий всем удел), Скажи: "дай бог ему веселье! Он в жизни хоть любить умел".

НА РЫБУШКИНА.

Бывало, прежних лет герой, Окончив славную брань с противной стороной, Повесит меч войны средь отческия кущи: А трагик наш Бурун, скончав чернильный бой,

Повесил уши.

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ.

Навис покров угрюмой ночи

На своде дремлющих небес; В безмолвной тишине почили дол и рощи,

В седом тумане дальний лес; Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы, Чуть дышет ветерок, уснувший на листьях, И тихая луна, как лебедь величавый,

Плывет в серебристых облаках.

Плывет - и бледными лучами

Предметы осветила вокруг. Алеи древних лип открылись пред очами,

Проглянули и холм и луг; Здесь, вижу, с тополлом сплелась младая ива И отразилась в кристале зыбких вод; Царицей средь полей лился горделива

В роскошной красоте цветет.

С холмов кремнистых водопады

Стекают бисерной рекой, Там в тихом озере плескаются наяды

Его ленивою волной; А там в безмолвии
огромные чертоги, На своды опершись, несут-
ся к облакам. Не здесь ли мирны дни вели-
земные боги?

Не се ль Минервы Росской храм?

Не се ль Элизиум полнощный,

Прекрасный Царско-сельской сад, Где, льва
сразив, почил орел России мощный

На лоне мира и отрад? Увы! промчались те
времена златые, Когда под скипетром вели-
кия жены Венчалась славою счастливая Рос-
сия,

Цветя под кровом тишины!

Здесь каждый шаг в душе рождает

Воспоминанья прежних лет; Возрев во-
круг себя, со вздохом Росс вещает:

"Исчезло всё, Великой нет!" И в думу углуб-
лен, над злачными берегами Сидит в безмол-
вии, склоняя ветрам слух. Протекшие лета
мелькают пред очами,

И в тихом восхищеньи дух.

Он видит, окружен волнами,

Над твердой, мшистою скалой Вознесся па-
мятник. Ширяся крылами.

Над ним сидит орел молодой. И цепи тяж-

кие, и стрелы громовые Вкруг грозного стол-
па трикраты обвилились; Кругом подножия, шу-
мя, валы седые

В блестящей пене улеглись.

В тени густой угрюмых сосен

Воздвигся памятник простой. О, сколь он
для тебя, Кагульской брег, поносен!

И славен родине драгой! Бессмертны вы
вовек, о Росски исполины, В боях воспитанны
среди бранных непогод! О вас, сподвижники,
друзья Екатерины,

Пройдет молва из рода в род.

О громкий век военных споров,

Свидетель славы Россиян! Ты видел, как
Орлов, Румянцев и Суворов,

Потомки грозные Славян, Перуном Зевсо-
вым победу похищали; Их смелым подвигам
страшась дивился мир; Державин и Петров
Героям песнь бряцали

Струнами громозвучных лир.

И ты промчался, незабвенный!

И вскоре новый век узрел И брани новые,
и ужасы военны;

Страдать - есть смертного удел. Блеснул
кровавый меч в неукротимой длани Ковар-

ством, дерзостью венчанного царя; Восстал
вселенной бич - и вскоре лютой брани

Зарделась грозная заря.

И быстрым понеслись потоком

Враги на русские поля. Пред ними мрачна
степь лежит во сне глубоком,

Дымится кровию земля; И селы мирные, и
грады в мгле пылают, И небо заревом оделося
вокруг, Леса дремучие бегущих укрывают,

И праздный в поле ржавит плуг.

Идут - их силе нет препоны,

Всё рушат, всё свергают в прах, И тени
бледные погибших чад Беллоны,

В воздушных съединясь полках, В могилу
мрачную нисходят непрестанно, Иль бродят
по лесам в безмолвии ночи.... Но клики разда-
лись!... идут в дали туманной!

Звучат кольчуги и мечи!...

Страшись, о рать иноплеменных!

России двинулись сыны; Восстал и стар и
млад: летят на дерзновенных

Сердца их мщеньем возжены. Вострепещи,
тиран! уж близок час паденья! Ты в каждом
ратнике узришь Богатыря. Их цель иль побе-
дить, иль пасть в пылу сраженья

За веру, за царя.

Ретивы кони бранью пышут,

Усеян ратниками дол, За строем строй те-
чет, все мезтью, славой дышут,

Восторг во грудь их перешел. Летят на
грозный пир; мечам добычи ищут, И се - пы-
лает брань; на холмах гром гремит, В стущен-
ном воздухе с мечами стрелы свищут,

И брызжет кровь на щит.

Сразились. - Русской - победитель!

И вспять бежит надменный Галл; Но силь-
ного в боях небесный Вседержитель

Лучем последним увенчал, Не здесь его
сразил воитель поседелый; О Бородинские
крававые поля! Не вы неистовству и гордости
пределы!

Увы! на башнях Галл кремля!...

Края Москвы, края родные,

Где на заре цветущих лет Часы беспечно-
сти я тратил золотые,

Не зная горестей и бед, И вы их видели,
врагов моей отчизны! И вас багрила кровь и
пламень пожирал! И в жертву не принес я
мщенья вам и жизни;

Вотще лишь гневом дух пылал!...

Где ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны? Где прежде
взору град являлся величавый,

Развалины теперь одни; Москва, сколь Рус-
скому твой зрак унылый страшен! Исчезли
здания вельможей и царей, Всё пламень ис-
требил. Венцы затмились башен,

Чертоги пали богачей.

И там, где роскошь обитала

В сенистых рощах и садах, Где мирт благо-
ухал, и липа трепетала,

Там ныне угли, пепел, прах. В часы без-
молвные прекрасной, летней ночи Веселье
шумное туда не полетит, Не блещут уж в ог-
нях берега и светлы рощи:

Всё мертво, всё молчит.

Утешься, мать градов России,

Воззри на гибель пришлеца. Отяготела
днесь на их надменны выи

Десница мстящая Творца. Взгляни: они бе-
гут, озреться не дерзают, Их кровь не преста-
ет в снегах реками течь; Бегут - и в тьме ноч-
ной их глад и смерть сретают,

А с тыла гонит Россов меч.

О вы, которых трепетали

Европы сильны племена, О Галлы хищные!
и вы в могилы пали.

О страх! о грозны времена! Где ты, любимый сын и счастья и Беллоны, Презревший правды глас и веру, и закон, В гордыне возмечтав мечем низвергнуть троны?

Исчез, как утром страшный сон!

В Париже Росс! - где факел мщенья?

Поникни, Галлия, главой. Но что я зрю? Герой с улыбкой примиренья

Грядет с оливою златой. Еще военный гром грохочет в отдаленьи, Москва в унынии, как степь в полнощной мгле, А он - несет врагу не гибель, но спасенье

И благотворный мир земле.

Достойный внук Екатерины!

Почто небесных Аонид, Как наших дней певец, славянской Бард дружины,

Мой дух восторгом не горит? О, естли б Аполлон пиитов дар чудесный Влиял мне ныне в грудь! Тобою восхищен, На лире б возгремел гармонией небесной

И воссиял во тьме времен.

О Скальд России вдохновенный,

Воспевший ратных грозный строй, В кругу

друзей твоих, с душой воспламененной,

Взгреми на арфе золотой! Да снова стройный глас Герою в честь прольется, И струны трепетны посыплют огонь в сердца, И Ратник молодой вскипит и содрогнется

При звуках бранного Певца.

РОМАНС.

Под вечер, осенью ненастной, В далеких дева шла местах И тайный плод любви несчастной Держала в трепетных руках. Всё было тихо - лес и горы, Всё спало в сумраке ночном; Она внимательные взоры Водила с ужасом кругом.

И на невинное творенье, Вздохнув, остановила их... "Ты спишь, дитя, мое мученье, Не знаешь горестей моих Откроешь очи и тоскуя Ко груди не прильнешь моей, Не встретишь завтра поцелуя Несчастной матери твоей.

Ее манить напрасно будешь!.. Стыд вечный мне вина моя Меня навеки ты забудешь; Тебя не позабуду я; Дадут покров тебе чужие И скажут: "Ты для нас чужой!" Ты спросишь: "Где ж мои родные?" И не найдешь семьи родной.

Мой ангел будет грустной думой Томить-

ся меж других детей! И до конца с душой угрюмой Взирать на ласки матерей; Повсюду странник одинокой, Предел неправедный кляня, Услышит он упрек жестокой... Прости, прости тогда меня...

Быть может, сирота унылый. Узнаешь, обоймешь отца. Увы! где он, предатель милый, Мой незабвенный до конца? Утешь тогда страдальца муки, Скажи "ее на свете нет Лаура не снесла разлуки И бросила пустынный свет".

Но что сказала я?... быть может, Виновную ты встретишь мать Твой скорбный взор меня встревожит! Возможно ль сына не узнать? Ах, если б рок неумолимый Моею тронулся мольбой... Но, может быть, пройдешь ты мимо Навек рассталась я с тобой.

Ты спишь - позволь себя, несчастный, К груди прижать в последний раз. Закон неправедный, ужасный К страданью присуждает нас. Пока лета не отогнали Беспечной радости твоей Спи, милый! горькие печали Не тронут детства тихих дней!"

Но вдруг за рощей осветила Вблизи ей хижину луна... С волненьем сына ухватила И к

ней приблизилась она; Склонилась, тихо положила Младенца на порог чужой, Со страхом очи отвратила И скрылась в темноте ночной.

ЛЕДА.

(КАНТАТА).

Средь темной рощицы, под тенью лип душистых, В высоком тростнике, где частым жемчугом

Вздывалась пена вод серебристых,

Колеблясь тихим ветерком,

Покров красавицы стыдливой, Небрежно кинутый, у берега лежал, И прелести ее поток волной игривой

С весельем орошал.

Житель рощи торопливый,

Будь же скромн, о ручей!

Тише, струйки говорливы!

Изменить страшитесь ей!

Леда робостью трепещет,

Тихо дышет снежна грудь,

Ни волна вокруг не плещет,

Ни зефир не смеет дуть.

В роще шорох утихает,

Всё в прелестной тишине:

Нимфа далее ступает,
Робкой вверившись волне.

Но что-то меж кустов прибрежных восшумело,
И чувство робости прекрасной овладело;
Невольню вздрогнула, не в силах воздохнуть.
И вот пернатых царь из-под склоненной ивы,

Расправя крылья горделивы, К красавице плывет - веселья полна грудь;
С шумящей пеною отважно волны гонит,

Крылами воздух бьет,

То в кольца шею вьет, То гордую главу смирясь пред Ледой клонит.

Леда смеется.

Вдруг раздается

Радости клик.

Вид сладострастный!

К Леде прекрасной

Лебедь приник.

Слышно стенанье,

Снова молчанье.

Нимфа лесов

С негою сладкой

Видит украдкой

Тайну богов.

Опомнясь наконец красавица младая От-
крыла тихий взор, в томленьях воздыхая, И
что ж увидела? - На ложе из цветов. Она поко-
ится в объятиях Зевеса;

Меж ними юная любовь, И пала таинства
прелестного завеса.

Сим примером научитесь,
Розы, девы красоты;
Летним вечером страшитесь
В темной рощице воды:
В темной рощице таится
Часто пламенный Эрот;
С холодной струйкою катится,
Стрелы прячет в пене вод.
Сим примером научитесь,
Розы, девы красоты;
Летним вечером страшитесь
В темной рощице воды.
STANCES.

Avez-vous vu la tendre rose, L'aimable fille
d'un beau jour, Quand au printemps a peine
ÿclose, Elle est l'image de l'amour?

Telle a nos yeux, plus belle encore. Parut
Eudoxie aujourd'hui; Plus d'un printemps la vit
ÿclose, Charmante et jeune comme lui.

Mais, hélas! les vents, les tempêtes, Ces fougueux enfants de l'Hiver. Bientôt vont gronder sur nos têtes, Enchaîner l'eau, la terre et l'air.

Et plus de fleurs, et plus de rose! L'aimable fille des amours Tombe fanée, à peine éclose; Il a fui, le temps des beaux jours!

Eudoxie! airnez, le temps presse; Profitez de vos jours heureux! Est-ce dans la froide vieillesse Que de l'amour on sent les feux?

MON PORTRAIT.

Vous' me demandez mon portrait, Mais peint d'après nature; Mon cher, il sera bientôt fait, Quoique en miniature.

Je suis un jeune polisson, Encore dans les classes; Point sot, je le dis sans façon Et sans fâces grimaces.

Onc il ne fut de babillard, Ni docteur en Sorbonne Plus ennuyeux et plus braillard. Que moi-même en personne.

Ma taille à celles des plus longs Ne peut être égale; J'ai le teint frais, les cheveux blonds Et le têt bouclé.

J'aime et le monde et son fracas, Je hais la solitude; J'abhorre et noises, et débats, Et tant soit

peu l'ytude.

Spectacles, bals me plaisent fort Et d'aprys ma pensye, Je dirais ce que j'aime encor... Si n'ytais au Lусйе.

Apris cela, mon cher ami, L'on peut me reconnaotre: Oui! tel que le bon dieu me fit, Je veux toujours paraotre.

Vrai dйmon pour l'espinglerie, Vrai singe par sa mine, Beaucoup et trop d'ytourderie. Ma foi, voila Pouchkine.

Примечания

(1) Т. е. в школе. (2) после этого стиха нескольких стихов не сохранилось.